

«КОГДА МНЕ ХУДО- ИГРАЮ МОЦАРТА»

Умный, ироничный взгляд сквозь строгий овал очков — и неожиданно широкая, открытая улыбка... Таким предстает на эстраде этот певец, об имидже которого кто-то метко сказал: интеллигент с хулиганской жилкой. Ну интеллигентность, как известно, симулировать довольно трудно. А вот откуда «хулиганность»!

— Я с Тишинки, — отвечает Александр, — и этим многое сказано. Сей примечательный московский уголок близ Белорусского вокзала издавна славился не только своим рынком, но и околорыночной шпайной, едва ли не самой лихой в столице. Помню, в детстве, когда в береточке — домашний такой мальчик — я шел по двору с нотной папкой, направляясь в музыкальную школу, в спину мне неслись весьма неслестные реплики.

Тогда я не понимал, откуда эта злорада, тем не менее оценив ситуацию, по-своему, по-мальчишески (и довольно верно, как теперь вижу) разобрался в ней, а главное — сделал вывод: надо давать отпор. Бил тех, кто, по моим понятиям, нарушал кодекс чести — дразнил малышей, мучил кошек, собак. Потом, кстати, этот опыт «наведения справедливости» мне очень пригодился в армии, где пришлось завоевывать уважение сослуживцев отнюдь не только участием в художественной самодеятельности...

Вот так и получился из меня не то интеллигент, не то хулиган.

— На это причудливое сочетание, очевидно, и обратили внимание те, кто привел вас на большую эстраду... достаточно вспомнить ваши песни «Билет на Копенгаген», «Гостиница «Разгульная», «Карманный воров», «Роль шута», «Пропали все пропадом», с их духом прибалтийского романтизма.

— Возможно. А впрочем, моя «прибалтийность», как вы изволили выразиться, особого рода. Она ведь — не впрямую и не всерьез. Ну а если кто-то в моем артистическом облике видит только ее — то упрек, думаю, не столько мне... Это старая истина: и в искусстве, и в другом человеке мы чаще всего склонны видеть то, что ближе нам самим. Вот и алкаши, и эзники видели в Высоцком «своего», в основном, из-за его хриплого (как считалось, «пропитого») голоса, а ведь это была только его внешность, за которой скрывалась глубочайшая поэтиче-

ская, артистическая натура.

Да, на эстраде я — этаким «крутой малый». Впрочем, совершенно очевидно мое собственное ироническое отношение к такому «герою», составляющее как бы двойное дно моего сценического образа. Однако, если вы заметили, в последнее время я постепенно отхожу от этого приема. Все больше тянет к «голосовым», лирическим произведениям, к самовыражению в открытую. И мои авторы — А. Петренко, В. Окорочков — это «учуяли». Правда, и «веселуху» не тороплюсь сдавать в архив. Так что программы мои теперь — скажем, та, что как раз в эти дни я показываю в Московском Дворце молодежи, — как бы строятся на двух полюсах: и на лирике, и на разудалости. Думаю, что публике от этого только интереснее.

— Однако пикантным двуединством «интеллигент-хулиган», думаю, не исчерпывается ваша многогранная артистическая, человеческая сущность...

— Ну, конечно, я ведь живой человек, со своими достоинствами, недостатками. В жизни я, например, любящий отец. Но внимания своей дочери (от первого брака), считаю, уделяю недостаточно: вам не надо объяснять, что такое жизнь концертирующего артиста. Понимает это и девочка (сейчас уже, можно сказать, совсем выросла) — наверное, именно поэтому она не пошла по отцовским стопам.

Не буду вам сочинять сказки и относительно моего, так сказать, общественного лица (знаете, сейчас среди людей определенного сорта стало вдруг модно строить из себя этаких «давних скрытых диссидентов» — зачем это им нужно, ума не приложу). И в юных пионерах довелось побывать, и в комсомоле состоял. Но потом властно вмешалась в дело музыка — и расставила все ценности по своим местам. Нет, я не стал одиноким фанатом. Мне не чужды хобби — до сих пор, например, увлекаюсь собаками,

лошадьми, машинами... Но если без чего и не мыслю жизни — то это, конечно, музыка. До сих пор, когда мне особенно тошно и тяжко, прибегаю на помощь Моцарта, Рахманинова — сажусь, как в юности, за фортепьяно и играю... Здорово помогает!

А вообще должен вам признаться: после 30 я довольно круто поменял к себе отношение. До того пребывал в непоколебимом убеждении, что являюсь примерным экземпляром рода человеческого — хорошим, добрым малым. Потом стало оценивать себя трезвее. Например, понял, что моя коммуникабельность, которой очень гордился, есть не столько свидетельство особой широты натуры, сколько некое приспособление к «коммунальности» нашего жизненного уклада, где всевозможные светские тусовки с их сплетнями и фальшивыми улыбками выполняют роль кухни пресловутой «Вороньей слободки». Я оказался неплохо встроившимся в этот суетный житейский муравейник, но почему-то данное обстоятельство перестало меня радовать так, как прежде.

Недавно крестился. Долго и тщательно готовился к этому событию, ожидал в церкви найти оазис человеческой искренности и подлинной веры. Увы, вновь пришлось в какой-то мере пережить разочарование: обряд крещения — в прошлом главное церковное таинство — ныне, как оказалось, несет на себе изрядный налет формализма и театральности. Что, разумеется,

не заставило меня отказаться от самой веры в Бога, в предначертанную им судьбу.

— Вы, стало быть, фаталист?

— Не сказал бы. Я не то чтобы трепещу перед судьбой — просто доверяю ей. И знаете, почему? Только не удивляйтесь — потому что у судьбы женское лицо. Правда-правда, ведь даже само это слово женского рода. И, кстати, мне, в отличие от большинства мужчин, женщина у власти не представляется чем-то глубоко противоестественным. Особенно у нас в России, где столько сильных женских натур — помните Некрасовское: «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...». Ах, как нуждаемся мы сегодня, в нелегкий для страны час, в их материнской, супружеской, сестринской опеке, способной сберечь наши семейные очаги, наши традиции. Наш общий дом — Родину...

— Кстати, сегодня с эстрады почти напрочь исчезла патристическая тема. Ее место заняли всякие там крошки Эзис. Искони в юбках из плюша, а то и вовсе неодоушевленные (предпочтительнее съедобные!) обьекты, вроде пресловутых «двух кусочков колбаски». Что вы об этом думаете?

— То, что крутат юнцы в коммерческих ларьках, — это еще не вся музыка, и уж отнюдь не последнее ее слово. Да, песенки эти привлекают своей примитивностью, ритмичностью. Под такое бубнение можно даже выполнять работу, не требующую особого умственного напряжения; в иных бюрократических конторах оно не умолкает весь день: интеллекта и души не перегружает, бумажек с места на место перекладывать не мешает. Убежден: этот «ларьковый музон» недолговечен. Бывая часто на гастролях, я стал ощущать, что добрый дух начал возвращаться в Россию. Агрессивность в музыке и стихах уже не так привлекает людей, их тянет к мягкой мелодике, искренней поэзии. Даже рок в некоторых своих направлениях помягчел. Думаю, мы еще вспомним наши прекрасные песни о необозримых русских просторах и белоствольных березовых лесах. И найдем новые — дай Бог, чтобы они оказались не хуже прежних.

Вела беседу
Валентина ТЕРСКАЯ.